

В.С. ВАСИЛЬЕВ*

КОНЕЦ ЭРЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКОНОМИСТОВ

(статья вторая)

Всё началось с рецессии 1981–1982 гг.

Защита докторской диссертации и последовавшая научная деятельность в МТИ в г. Бостоне стали началом типичной академической карьеры, сводящейся к написанию и публикации статей в солидных академических журналах, книг и учебников по узкой специализации, к выступлениям на научных конференциях. Все эти этапы в той или иной форме прошёл Пол Кругман, ставший в 1984 г. профессором МТИ и проработавший в этой должности с небольшим перерывом в 1994–1996 гг., когда он был профессором Стэнфордского университета, до 2000 г., после чего (и по настоящее время) он занимает должность профессора Принстонского университета. В 1987 г. Кругман избирается членом Эконометрического общества США, в 1992 г. – членом Американской академии искусств и наук, с 1979 г. он – внештатный сотрудник Национального бюро экономических исследований. В 1988 г. совместно с М. Обстфельдом выпустил учебник по мировой экономике, который к настоящему времени выдержал шесть изданий¹. В 1991 г. Кругман был удостоен высшей награды Американской экономической ассоциации – медали Джона Бейтса Кларка, в 1995 г. – медали Адама Смита.

И труды, и личность Пола Кругмана вряд ли бы стали известны широкой общественности, если бы его жизнь резко не изменилась летом 1982 г., когда из Вашингтона ему позвонил М. Фелдстейн, официально исполнявший (с середины октября 1982 г. и до июля 1984 г.) обязанности председателя Экономического совета в администрации Рейгана и в приказном порядке «предложивший» Кругману новое место службы. С июля 1981 г. экономика США находилась в рецессии, среди рейганистов царил паника, и Фелдстейн получил карт-бланш на изыскание любых рецептов выведения экономики США из кризисной ситуации. Фелдстейн – надо воздать ему должное – действовал неординарно и собрал вокруг себя «молодых экономических гениев» – безотносительно к их политической ориентации, в кругу которых, помимо Кругмана, оказались Л. Саммерс и Г. Манкив, которые спешно стали вырабатывать

* **ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

¹ Третье издание было переведено на русский язык: Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика. М., 1997.

идеи и концепции выхода из экономического кризиса. В результате Кругман стал главным специалистом отдела международной экономики в составе Экономического совета при президенте США.

Так Кругман приобщился к миру реальной политики; его рабочий стол оказался усеянным большим количеством документов, имевших гриф «Секретно/Не разглашать иностранцам/Не доводить до сведения контракторов/Частная информация/Утечка будет отслежена». Именно тогда он в полной мере осознал и воочию увидел, как принимаются «решения, имеющие глобальное значение»². Кругман оказался допущенным «к святой святых»: перед его взором предстал внутренний механизм функционирования главной «политической кухни США» (а, возможно, и всего мира), и то, что он увидел, потрясло его до глубины души: «Непреложным фактом являлось то обстоятельство, что у высших представителей администрации не было ни малейшего понятия о том, относительно чего они принимали решения: совещания на высшем уровне носили на удивление примитивный характер. (Например, различие между номинальными и реальными процентными ставками считалось слишком сложным для понимания и ненужной разновидностью академического педантизма). Кроме того, ключевые фигуры администрации предпочитали получать советы от людей, которые стремились доставить им удовольствие, а не побудить к серьёзным раздумьям. По сути, люди, действительно влиявшие на принятие важнейших политических решений, были самыми искусными придворными льстецами, нежели лучшими аналитическими умами»³.

И хотя воспоминания Кругмана о годе работы в Экономическом совете при президенте США, который он покинул в августе 1983 г., окрашены в личные тона, его дальнейшее творчество на поприще политической публицистики даёт более или менее ясное представление о том, какие именно факторы на 180° перевернули его сознание. В переломный для США и всего мира исторический момент Кругман пришёл в правоконсервативную администрацию Рейгана как чужак. Главным политическим кредо республиканской администрации стала «рейганомика», основанная на идеях «экономики предложения», «всеобщей и полной» приватизации и свободного рыночного хозяйства. Примитивизм мышления высших чинов рейгановской администрации, с которым столкнулся Кругман, объяснялся идеологизированностью администрации, принимавшей решения на основе простых, но исключительно действенных формул-идеологем, оказавшихся настолько живучими, что пережили и Р. Рейгана, и его администрацию и стали идейной основой рыночного фундаментализма (неолиберальной революции), который в 1990-е годы проложил дорогу феномену глобального капитализма конца XX – начала XXI веков.

Главным идеологом администрации Рейгана и «рейганомики» выступил глава Чикагской школы экономики лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 г. М. Фридман. На его кончину 16 ноября 2007 г. Кругман откликнулся большой статьёй «Кем был Милтон Фридман?», в которой чётко и образно

² The Unofficial Paul Krugman Archive. Incidents from my Career. '95 ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)).

³ Ibidem.

сформулировал суть идеологической конфронтации начала 1980-х годов. В своём эссе он вышел за рамки «политкорректности», что лишний раз свидетельствует о том, насколько острой и бескомпромиссной является в настоящее время в США борьба между правоконсервативной и либеральной идеологиями: П. Кругман знал, что ожесточённые нападки на одного из членов (тем более покойного!) «всемирного клуба избранных интеллектуалов» вполне могут навсегда исключить его из круга претендентов на «Нобелевку», поскольку не в интересах Нобелевского комитета поощрять раздоры между нобелевскими лауреатами, тем более принимать в свой круг заведомых маргиналов или диссидентов. Но это обстоятельство не помешало Кругману написать следующее:

«История экономической мысли XX века вполне напоминает историю христианства в XVI веке. Вплоть до публикации Джоном Мейнардом Кейнсом труда “Общая теория занятости, процента и капитала” в 1936 г. экономисты – по крайней мере англоязычные – исповедовали исключительно рыночную ортодоксию. Ересь иногда появлялась, но она беспощадно подавлялась. Экономисты классической школы политэкономии, писал Кейнс в 1936 г., “полностью покорили Англию подобно тому, как Святая инквизиция овладела Испанией”. А главная заповедь экономистов классической школы гласила, что ответом почти на все проблемы является свободная игра спроса и предложения.

Но экономисты классической школы не могли ни объяснить, ни предложить выход из «Великой депрессии». К середине 1930-х годов атаки на рыночную ортодоксию увенчались успехом. Кейнс сыграл роль Мартина Лютера, подняв ересь на такой интеллектуальный уровень, что она стала уважаемым учением. Хотя Кейнс никоим образом не являлся «леваком» – он выступил спасителем капитализма, а не его могильщиком – его теория гласила, что для обеспечения полной занятости нельзя полагаться на свободные рынки, и это явилось важнейшим основанием для масштабного вмешательства государства в экономику.

Кейнсианство явилось великой реформацией экономической мысли. Однако вслед за ним неизбежно пришла контрреформация. Между 1950 и 2000 г. ряд экономистов сыграл важную роль в мощном возрождении классической политэкономии, однако ни один из них не оказался столь успешным, как Милтон Фридман. Если Кейнс был Лютером, то Фридман стал Игнатием Лойолой, создавшим в своё время орден иезуитов. Подобно иезуитам, последователи Фридмана действовали как своего рода дисциплинированная армия правоверных, обеспечившая почти полный реванш и разгром кейнсианской ереси. К концу XX века экономисты классической школы отвоевали почти все некогда утраченные господствующие высоты, и главная заслуга в этом принадлежит Фридману»⁴.

Далее Кругман нарисовал «трёхипостасный» портрет «инквизитора» Фридмана – прообраз «идеального» экономиста современности независимо от его идеологической ориентации, который, по-видимому, сложился в сознании Кругмана в период его работы в Экономическом совете при президенте США. Во-первых, Фридман был «экономистом из экономистов», писавшим сугубо

⁴ K r u g m a n P. Who Was Milton Friedman. – «The New York Review of Books», 15.02.2007.

технические и неполитические труды, в которых он анализировал поведение потребителей и тенденции инфляции в американской экономике. Во-вторых, Фридман был «политическим предпринимателем», на протяжении многих десятилетий пропагандировавшим монетаризм, который в конце 1970-х годов стал официальной политикой ФРС и Банка Англии. И, наконец, Фридман был идеологом и великим пропагандистом доктрины свободного рынка.

Создав себе репутацию высокопрофессионального экономиста, Фридман умело использовал её в своей идеологической ипостаси, однако вот тут, по мнению Кругмана, и возникли проблемы «интеллектуальной честности» Фридмана. Самым примечательным в творчестве Фридмана было то, что, если на его академических работах и изысканиях, в том числе на теориях, лежал отпечаток времени, обусловленный спецификой исторических особенностей развития американской экономики в 1930-е – 1950-е годы, то его банальные идеологемы (на уровне школьников старших классов) претендовали на роль абсолютных «истин в последней инстанции». Начиная с 1946 г. Фридман достаточно «тупо и прямолинейно» (sic! – П. Кругман) проповедовал рыночный подход к решению всех возникающих экономических проблем, и этот подход, как указал Кругман, постепенно стал «фирменной маркой Фридмана»: «Вновь и вновь он призывал к рыночному решению проблем в сфере образования, здравоохранения и незаконного оборота наркотиков, хотя, по мнению всех остальных специалистов, эти сферы требовали прежде всего широкого государственного вмешательства»⁵. Постепенно к концу XX века этот подход возобладал в большей части промышленно развитых стран, но при этом имела место весьма примечательная идеологическая трансформация, «крёстным отцом» которой был М. Фридман.

Как указал Кругман, «после “Великой депрессии” многие экономисты стали утверждать, что рынки никогда не смогут функционировать. Фридман нашёл в себе смелость утверждать, что **«рынки также могут функционировать»**, и со временем превратился «в самого лучшего защитника достоинств свободного рынка со времён Адама Смита». При этом произошла тончайшая метаморфоза, не имевшая никакого отношения к математическим методам экономических исследований: идеологи свободного рыночного хозяйства начали говорить, что **«рынки могут функционировать при всех условиях»**, а впоследствии ещё более безапелляционно – что в современной экономике **«могут функционировать только рынки»**⁶.

В полной мере роль идеологии в современной экономической политике и примат «простого» английского языка по отношению к нагромождениям математических формул в публикациях академических экономистов в солидных науч-

⁵ Ibidem.

⁶ Незадолго до кончины М. Фридман назвал своим главным научным достижением публикацию в 1962 г. брошюры «Капитализм и свобода». Он указывал, что «Базовые принципы, которые утвердились сегодня, будут оставаться неизменными ещё на протяжении следующей тысячи лет. Этот аспект моего “Капитализма и свободы” никогда не устареет. Старению подлежат только его конкретные применения. Книга Адама Смита “Богатство наций” крайне актуальна и сегодня, хотя она была опубликована ещё в 1776 г.». Roberts R. Krugman's Prize, 13.10.2008 ([http://www. CaféHayek.com](http://www.CaféHayek.com)).

ных журналах П. Кругман осознал в течение года своей работы в Экономическом совете при президенте США. Литературный дар Кругмана был замечен, по всей видимости, М. Фелдстейном, поручивший Кругману написать Экономический доклад президента за 1983 г., который, по утверждению Кругмана, и был написан им практически единолично. Так началась его вторая карьера – карьера публициста, пишущего на экономические темы. Возможно, именно в тот период Кругман осознал, что истинным «академиком» – представителем академического мира – является не тот учёный, который судорожно строчит «статью за статьёй» и «книгу за книгой», пытаясь заработать себе на этом авторитет и «хлеб насущный»: подлинным мудрецом, тем более в области социальных наук, является тот специалист, который умеет «писать за других»!

Обращение к тексту упомянутого доклада показывает, что он был написан как «технический доклад», практически лишённый идеологического компонента. Но в нём просматривался один момент, имевший принципиально важное значение для понимания последующей идейной эволюции Кругмана. В конце доклада содержалось утверждение (оказавшееся пророчески верным!) о том, что «1983 г., по всей видимости, будет первым годом в грядущей череде лет устойчивого экономического роста»⁷. Мандат, полученный М. Фелдстейном на выведение экономики США из самой глубокой на тот момент рецессии за весь период после Второй мировой войны, был реализован не за счёт изобретения каких-либо принципиально новых средств; совсем наоборот, кризис был преодолен благодаря использованию вполне традиционных инструментов бюджетного антикризисного реагирования, предложенных в 1930-е годы Дж. Кейнсом и с успехом применённых США во время Второй мировой войны и в ходе послевоенных рецессий.

Принципиальная разница состояла только лишь в энергичной целенаправленности, с которой эти меры применялись: были значительно увеличены расходы из федерального бюджета (ведущей статьёй стали военные расходы); в невиданной степени были снижены федеральные налоги, главным образом подоходные, и, наконец, в 1983 г. дефицит федерального бюджета составил 6,0% ВВП США, что оставалось рекордом до самого последнего времени⁸.

Но самое поразительное в проводившейся республиканской администрацией Рейгана неокейнсианской фискальной политике было то, что она подавалась как реализация идей разгосударствления и свободного рыночного хозяйства! Фантастическая эластичность формул рыночной идеологии усугубилась для Кругмана ещё, возможно, и сформировавшимся в тот период комплексом «личной вины»: рецессия 1981–1982 гг., вполне вероятно, могла поставить жирную точку «в рейгановском эксперименте», подавив в зародыше рыночный фундаментализм, но вместо этого кейнсианцы и неокейнсианцы выступили в роли собственных могильщиков и спасителей «пещерных неоконсерваторов», пришедших к власти в США в начале 1980-х годов.

⁷ Economic Report of the President. February 1983, p. 145.

⁸ Более подробно о фискальной политике США в 1980-е годы см.: Васильев В.С., Травкина Н.М. Бюджетные приоритеты республиканцев: от Р. Рейгана до Дж. Буша-мл. – «США ♦ Канада», 2007, № 11.

Пробыв год в Вашингтоне, Кругман вернулся в академический мир, что явилось для него ещё более сложным испытанием: «Часто периоды работы в политических кругах, кажется, способствуют разрушению способности к академическим исследованиям. Это не значит, что публикуемые статьи не могут напрямую влиять на ход событий. Если вам когда-нибудь доведётся столкнуться с тем примитивизмом, с которым принимаются судьбоносные решения, то вы неизбежно начнёте сомневаться в том, какое значение имеют условия третьего порядка или вероятностные соотношения»⁹.

«Запрет на профессию»

В результате в последующие три года Кругман испытал серьёзный личный и мировоззренческий кризис. Но из этого кризиса он вышел с твёрдым осознанием того факта, что в экономике главенствующую роль играет идеология, а не эконометрические уравнения. При этом, написав, пусть и в «техническом варианте», один из программных документов идеологически чуждой ему правоконсервативной администрации, он понял, что в современном мире манифесты от праворадикального до леворадикального толка исходят из «одного центра» и пишутся, при прочих равных условиях, людьми определённой ментальности.

На фоне этих настроений начался постепенный отход Кругмана от сугубо академических научных изысканий, к которым с течением времени он потерял всякий интерес. В 1988 г. он принял предложение газеты «Вашингтон пост» написать научно-популярную книгу про американскую экономику, которая была вскоре написана и опубликована (правда, в соавторстве с М. Вайнгард) под названием «Эра уменьшающихся ожиданий». По словам Кругмана, книга эта не стала бестселлером, но она привлекла к нему внимание руководства Демократической партии США, и он принял самое активное участие в президентской кампании 1992 г., агитируя за У. Клинтона. При этом внимание к нему со стороны руководства Демократической партии возникло после ознакомления с главой о распределении личных доходов, которую авторы первоначально не планировали включать в книгу. Кругман выступил с решительной критикой политики республиканской администрации Рейгана, которая в 1980-е годы способствовала резкому увеличению неравенства в распределении личных доходов в США.

Кругмана, принявшего самое активное участие в президентской гонке 1992 г. на стороне У. Клинтона, даже стали прочить в председатели Экономического совета, но демократы «эры Клинтона», идеология которых была близка Кругману, грешили теми же недостатками, что и республиканцы «эры Рейгана»: они больше полагались на «предпринимателей от политики», нежели на первоклассных академических учёных и аналитиков. Именно таким «предпринимателем от политики» предстал пред Кругманом Р. Рейч, который возглавил переходную команду экономистов при передаче дел от ушедшей в отставку администрации Дж. Буша-ст. С Рейчем Кругман познакомился в 1983 г., во

⁹ The Unofficial Paul Krugman Archive. Incidents from my Career. '95 ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)).

время работы в Вашингтоне, хотя и отказался участвовать в одном из политических проектов демократов, которые возглавлял Р. Рейч.

К середине 1990-х годов Кругману стало, по всей видимости, окончательно ясно, что эра академических учёных в США безвозвратно канула в Лету и причина этого коренилась именно в рыночной идеологии, которая, как это ни парадоксально звучит, наложила своего рода «запрет на профессию» академического экономиста. Процесс потери статуса и влияния академических американских экономистов в середине 1990-х годов вскрыл один из ближайших коллег Кругмана и его единомышленник из Калифорнийского университета (г. Беркли) Б. Де Лонг.

Путь в высшие эшелоны государственной власти США для академических экономистов проложил Дж. М. Кейнс. Приняв под влиянием его идей в 1946 г. закон «О занятости» и создав Экономический совет при президенте США, высшее политическое руководство привлекло на работу наиболее авторитетных и наиболее подготовленных с академической точки зрения экономистов. Экономисты оказались единственными представителями общественных наук, институционально представленными в высшем политическом руководстве США. По этой же причине только экономистам с конца 1960-х годов стала присуждаться Нобелевская премия, при этом первыми её лауреатами стали именно экономисты, заработавшие свой авторитет серьёзными академическими исследованиями и разработками. Как указал Кругман в своём предисловии к переизданию работы Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и капитала», вышедшей в США в 2006 г., «анналы общественных наук не знают свершений, равных вкладу и трудам Кейнса»¹⁰.

Институционализация академических экономистов на самом высшем уровне государственной и политической власти США на протяжении примерно последующих 30 лет после принятия закона «О занятости» способствовала формированию в США (и во многих других промышленно развитых странах мира) сложного и взаимосвязанного на всех исследовательских уровнях сообщества экономистов. Поэтому углублённые исследования закономерностей эволюции американской экономики, воплощённые в эконометрических моделях, получали законченный смысл и выход в механизме выработки экономической политики и принятия экономических решений высшим политическим руководством США, в котором на экспертном уровне были представлены лучшие представители академического мира. Авторы этих разработок и эконометрических моделей с течением времени получали возможность непосредственно участвовать в выработке макроэкономической политики и на этом основании рассчитывать на признание и получение соответствующих наград, в том числе и нобелевских премий.

Поскольку политические решения на высшем уровне принимались на основе эконометрических моделей, разрабатывавшихся академическими экономистами и отождествлявшихся с фундаментальными закономерностями функционирования американской экономики, управление макроэкономическими процессами осуществлялось практически исключительно высококвалифициро-

¹⁰ Keynes J. Introduction by Paul Krugman to the General Theory of Employment, Interest, and Money ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)).

ванными специалистами. По мнению Кругмана, апогеем этого процесса явился состав и деятельность Экономического совета при президенте Дж. Кеннеди в 1961–1963 гг.: «Взглянем на Экономический совет при Кеннеди, самую примечательную коллекцию экономических талантов, служивших американскому правительству с эпохи, когда решения принимались в одиночестве Александром Гамильтоном. Невероятно, но м-р Тобин был лишь одним из трёх будущих лауреатов Нобелевской премии, работавших при Кеннеди в этом составе. Возможна ли такая группа сегодня? Сомневаюсь. Когда м-р Тобин отправился в Вашингтон, лучшие экономисты не подвергались строгим политическим проверкам – и с ними никогда не случалось, чтобы должностная инструкция включала в себя необходимость сообщать сведения, которые очевидно ошибочны». Поэтому, подытожил свои размышления Кругман, смерть известного американского экономиста Дж. Тобина в марте 2002 г. знаменует собой «конец эпохи, когда столь порядочные и принципиальные экономисты могли успешно работать и даже оказывать влияние на политику»¹¹.

Институционализация экономической академической науки в высших эшелонах государственной власти США в середине XX века способствовала ещё одному весьма важному процессу, который можно определить как отсечение, с одной стороны, радикальных экономических идеологий, в основе которых, как правило, лежала какая-либо одна довольно примитивная идея-фикс, например, «всеобщей и полной приватизации» или «всё отнять и поделить», а с другой стороны, представлений о том, что экономикой управляют «денежные мешки» или «воротилы финансового мира», как это имело место в США, например, в 1920-е годы. По сути, эконометрические модели и стали формой экономической идеологии и своего рода фильтром для великого множества «предпринимателей от политики», которые стремились, прежде всего, дорваться до «контроля над финансовыми потоками».

Этот процесс встраивания академической экономической науки в высшие эшелоны власти стал постепенно сходить на нет в США в 1970-е годы, и начало ему и было положено мощной атакой монетаристов как на самого Кейнса, так и на кейнсианство в целом. Как указал Кругман, именно в этот период «многие экономисты отвернулись от Кейнса. Они стали утверждать, правда не без некоторого основания, что в своих работах он исходил из посылок, которые нельзя строго определить; чистые теоретики стали утверждать, что теория, микрооснования которой построены на наблюдениях, а не на аксиомах, не должна иметь право на существование независимо от того, как она показала себя на практике. Девальвации Кейнса способствовал и некейнсианский характер проблем, с которыми мир столкнулся в 1970-е и 1980-е годы – инфляция, а не дефляция (хотя в начале 1920-х годов не кто иной, как Кейнс первым дал цельное объяснение гиперинфляции, поразившей в тот период многие из европейских валют), и недостаток сбережений, а не отсутствие спроса. В конце концов Кейнс сошёл на нет под мощным напором антикейнсианских идей, начиная от математически безупречных академических изысканий, согласно которым рецессии в принципе невозможны (или если они случаются, то только под влиянием тех категорий потребителей, которые рационально пред-

¹¹ К р у г м а н П. Великая ложь: Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М., 2004, с. 473–474.

почитают бóльший досуг, нежели бóльший труд), и кончая популярными концепциями маниакального толка, вроде экономики предложения»¹².

«Развенчание» Кейнса незамедлительно сказалось на работе Экономического совета при президенте США. Как указал профессор Б. Дилонг, уже в 1970-е годы «рецессии перестали ожидаться и прогнозироваться, хотя они неожиданно и возникали», а с начала 1990-х годов «управление макроэкономической политикой почти выпало из поля зрения Экономического совета при президенте США». Примерно 40% всего времени работы Экономического совета уходит на то, чтобы «информировать о своих точках зрения на экономическую ситуацию ФРС в надежде, что последняя не будет при проведении монетарной политики исходить из ошибочного представления о состоянии экономики. Экономический совет также пытается довести точку зрения ФРС на экономическую ситуацию до сведения членов администрации. Члены Экономического совета постоянно убеждают различных советников президента США, что огульная критика действий ФРС чревата серьёзными последствиями и редко приносит плоды. Экономический совет помогает президенту и его администрации в информировании общественности о состоянии экономики, а также убеждает общественность, что экономическая политика данной администрации является правильной и эффективной. И, наконец, Экономический совет готовит ежегодный Экономический доклад президента».

Остальное время Экономического совета (порядка 60%) уходит на составление малозначимых коротких аналитических докладов микроэкономического содержания, имеющих сугубо просветительскую направленность и предназначенных для широкой американской общественности. Как признался в частной беседе Б. Де Лонгу один из бывших членов Экономического совета, «в нашем бизнесе эффективность “подач” на уровне 25% является отличным, почти превосходным результатом». Таким образом, отказ от кейнсианских идей в деятельности Экономического совета при президенте США обернулся в конечном счёте тем, что «логикой действий государства перестала быть эффективность распределения бюджетных средств и ресурсов, усиленная рыночной дисциплиной, или просто логика оптимального контроля. Логикой деятельности государства стала логика политических процессов: использование силового давления и связей в обмен на взаимные услуги»¹³.

Эта ситуация в полной мере проявилась в 2008 г. в ходе нарастания экономического кризиса в экономике США. О деятельности Экономического совета и его председателя Э. Лазира вообще ничего не было слышно. Более того, доклад президенту о деятельности совета, датированный 31 декабря 2007 г., был подписан только его председателем, и на момент представления доклада Кон-

¹² Krugman P. Why Aren't We All Keynesians Yet? 1998 ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)). Ненависть правых консерваторов и рыночных фундаменталистов к Дж. Кейнсу зашла так далеко, что в 2005 г. в «чёрном списке» самых опасных книг XX века, составленных группой правых радикалов, работа «Общая теория занятости, процента и капитала» оказалась на одном из самых видных мест, опередив по «вредности» труды таких известных революционеров, как В.И. Ленин и Франц Фанон (Keynes J. Introduction by Paul Krugman ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page))).

¹³ DeLong B. Keynesianism, Pennsylvania Avenue Style: Some Economic Consequences of the Employment Act of 1946. November 1995, pp. 15, 20, 21 (<http://www.j-bradford-delong.net>).

грессу в феврале 2008 г. совет насчитывал в своём составе только одного председателя (из 9 членов совета остался 1) и можно было говорить о полном развале работы Экономического совета – и это в самый разгар острейших экономических трудностей, с которыми столкнулись США за последние несколько десятилетий!¹⁴

С наступлением эры глобализации в начале 1990-х годов на «мировых экономических форумах» были представлены и задавали тон кто угодно, только не профессиональные академические экономисты: крупные бизнесмены и банкиры, представители финансовой элиты, политические деятели, ведущие обозреватели и журналисты, даже звёзды шоу-бизнеса. Иногда было замечено присутствие Нобелевских лауреатов по экономике, но что они могли сказать в условиях, когда всю ситуацию – как на уровне мировой, так и национальной экономики – определял «самоорганизующийся рынок»?

Ситуацию функциональной ненужности профессиональных академических экономистов блестяще обрисовал лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Дж. Стиглиц, сам бывший председателем Экономического совета в 1995–1997 гг. при президенте У. Клинтоне. На слушаниях в Конгрессе осенью 2008 г. он подчеркнул: «Успех рыночной экономики требует хорошей информации – прозрачности. (За исследование этой проблемы я в своё время получил Нобелевскую премию). Но в условиях управленческого капитализма, который основан на отделении функции собственности от функции управления, всегда существуют стимулы для её подавления. Проблемы недостатка прозрачности широко распространены в системе финансовых рынков, поскольку финансисты всячески ей сопротивляются, в частности, они активно противодействуют повышению прозрачности стоимости опционов пакетов акций. В свою очередь последние создают стимулы для создания таких форм отчётности, которые искусственно завышают официально публикуемые размеры прибылей... В результате корпоративная задолженность выводится за рамки бухгалтерской отчётности, что крайне затрудняет оценку реальной стоимости корпораций».

По мнению Дж. Стиглица, главная финансовая новация последних 10–15 лет – секьюритизация – «породила новые информационные асимметрии. В прежние времена банки, выдававшие ипотечные кредиты, хорошо знали финансовое состояние семей, которые их получали. Когда возникали проблемы с погашением кредита, банки понимали причины их появления и могли совместно с проблемной семьёй выработать оптимальный план его погашения. При этом все были заинтересованы в том, чтобы семья не оказалась на улице. Секьюритизация же исходит из того, что “дураки рождаются каждую минуту”. Глобализация ещё больше усугубила этот процесс, поскольку отныне по-

¹⁴ Economic Report of the President 2008, pp. 205, 207, 209, 213, 215. Можно попутно отметить, что в 2008 г., особенно осенью, финансовый кризис «разрушали» министр финансов Г. Поулсон и председатель ФРС Б. Бернанке, который, хотя и является академическим экономистом, по сути представляет интересы Уолл-стрит и других финансовых центров США. У многих обозревателей к осени 2008 г. вообще сложилось впечатление, что в преддверии отставки 20 января 2009 г. президент Дж. Буш вообще не контролировал ситуацию в экономике и был фактически отстранён от руководства финансово-экономической политикой США, которая перешла под полный контроль Уолл-стрит.

иск дураков стал осуществляться в глобальном масштабе – и они нашлись повсеместно»¹⁵.

Система самоорганизующихся рынков логически привела к тому, что академические экономисты стали строить идеальные модели информационно прозрачной экономики, которой в реальности не существовало, получать за это престижные награды, а на практике рынки функционировали в условиях информационной непрозрачности – как и полагается функционировать капиталистической экономике и как она функционировала всегда, начиная со времён А. Смита и Д. Рикардо. Таким образом, даже тогда, когда высшему политическому руководству США требовались аналитики для выработки экономической политики, на помощь призывали не идеалиста-теоретика, а хорошо знающего специфику информационной непрозрачности практика, и именно поэтому, как указал Кругман, **«на протяжении почти 20 лет – с 1987 по 2006 гг. – экономическую политику США определял только один человек – мистер Гринспен»**¹⁶.

Отход от кейнсианства породил ещё два важных феномена, сокрушивших академических экономистов. Первый феномен описал в одной из своих статей сам Кругман. Хотя со времён рейгановской контрреформации 1980-х годов экономическую политику США определяли «денежные мешки» с Уолл-стрит, в общественном сознании по инерции сохранялось представление о том, что её разрабатывают академические экономисты в Экономическом совете при президенте США. В результате в 1993 г. во время одной из «жарких» дискуссий относительно воздействия Соглашения о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) на «создание и потерю рабочих мест» в экономике США, на ремарку Кругмана о том, что на протяжении предстоящих 10 лет уровень безработицы в США будет зависеть, прежде всего, от монетарной политики ФРС, а не от НАФТА, один из присутствующих обрушился на Кругмана: «Вот за такие рассуждения американский народ и ненавидит вас, экономистов!»¹⁷

Второй феномен связан с радикализацией сознания значительной части американских экономистов, которая постепенно стала порождать у них всё более негативное отношение к экономическим порядкам, существующим в США в широком смысле этого слова. Лакмусовой бумажкой этого отношения стало понятие «капитализм». «Рынок» и «рыночные отношения» долгое время были достаточно нейтральными понятиями и «обеспечивали» нейтрально-положительное отношение подавляющей части американских академических экономистов к экономическим порядкам в США, на основе которых они и строили свои эконометрические модели. Но с середины XX века эконометрические модели обрели идеологическую окраску. Как отметил профессор Гарвардского университета Р. Нозик, опирающиеся в своих аналитических разработках на математические модели и методы экономисты, которых он не без некоторого сарказма назвал

¹⁵ Testimony of J. Stiglitz. Hearing on Reforming Financial Regulation, Committee on Financial Services, House of Representatives, 21.10.2008, pp. 3–4 (<http://www.congress.gov>).

¹⁶ К р у г м а н П. Ук. соч., с. 122.

¹⁷ К r u g m a n P. Vulgar Keynesians. A Penny Spent Is Not a Penny Earned? – «Slate», 13.02.1997.

«цифровыми мастерами» (*numbersmiths*), «в своём подавляющем большинстве... не высказывают оппозиции капитализму»¹⁸.

Правоконсервативные экономисты, главным образом монетарной школы, абсолютизировали рынок и рыночные отношения, придав им статус идеологии рыночного фундаментализма. Ответной и «информационно симметричной» реакцией явилось леворадикальное непринятие «рынка» и «рыночных отношений», в рамках которого – в полном соответствии с традицией, заложенной в середине XIX века К. Марксом, – рынок и рыночные отношения стали трактоваться как проявление капитализма и капиталистических производственных отношений. Кругман написал в своём автобиографическом эссе, что в настоящее время в США образовался определённый вакуум экономических идеологов, которые могли бы сделать политически привлекательными ряд экономических идей, являющихся достоянием узкопрофессиональных экономистов. Именно этот вакуум, образовавшийся в середине 1990-х годов в США на фланге левой идеологии, и заполнил сам Кругман¹⁹, провозгласивший в своих публицистических работах примат идеологического фактора на современном этапе развития экономической мысли в США.

Причина этого коренится в самой специфике ситуации, сложившейся в американском обществе с приходом к власти в начале XXI века республиканской администрации Дж. Буша-мл., при которой, как писал Кругман в 2006 г., «деятельность государства стали полностью определять идеология и мафиозные связи». При этом периодическую смену политических партий П. Кругман стал трактовать как смену господствующей идеологии, которая и определяет конкретное содержание проводимой экономической политики и лежащих в её основе аналитических обоснований²⁰.

В эпицентре этой идеологической борьбы оказалась роль государства в экономике в условиях глобализации, поскольку весь далекоидущий стратегический замысел экономической политики правоконсервативной администрации Дж. Буша-мл. и свёлся к тому, как писал Кругман в 2005 г., чтобы «вернуть исторические часы развития американской экономики к 1932 г., [поскольку] правые консерваторы никогда не простили Ф.Д. Рузвельта... за то, что он продемонстрировал возможности активной роли государства в экономике»²¹.

Однако активное вмешательство государства в экономику в духе кейнсианских идей на всём протяжении XX века неизменно порождало в США одну фундаментальную проблему – дефицитное финансирование федерального бюджета и как следствие колоссальный долг федерального правительства. Этой «ахиллесовой пяте» кейнсианства на уровне академических изысканий фундаменталисты-рыночники противопоставили монетарную политику, кото-

¹⁸ Nozick R. Why Do Intellectuals Oppose Capitalism? – «Cato Policy Report», January/February 1998.

¹⁹ В сборнике публицистических работ П. Кругмана, относящихся к началу текущего столетия, четвёртая глава имеет весьма примечательный заголовок «Капитализм для избранных» (Кругман П. Ук. соч., с. 137).

²⁰ Цитируется по: Klein D. and Barlett H. Left Out: A Critique of Paul Krugman Based on a Comprehensive Account of His New York Times Columns, 1997 through 2006. – «Econ Journal Watch», January 2008, pp. 129–130.

²¹ Ibid., pp. 116–117.

рая на первый взгляд не имела соответствующих изначальных изъянов и использование которой в качестве инструмента финансового регулирования идеально отвечало логике свободных рыночных отношений, будучи сведено исключительно к их регулированию управляющими ФРС.

Заслуга Кругмана, за которую он, по сути, и удостоен Нобелевской премии, свелась к тому, что на протяжении последних 10 лет в идеологической схватке с фундаменталистами-рыночниками он сумел доказать, что монетарная политика федерального правительства также не свободна от ещё больших недостатков, которые в конечном счёте и привели к текущему мировому финансовому кризису.

«Ловушка ликвидности»

С конца 1970-х годов, в соответствии с положением закона «О занятости и сбалансированном экономическом росте», принятом в 1978 г., председатель ФРС обязан дважды в год (в феврале и в июле) отчитываться перед Конгрессом США о проводимой монетарной политике. После слушаний летом 2003 г. появились сообщения о том, что председатель ФРС А. Гринспен заявил на них дословно следующее: «Вся ответственность за текущую рецессию, которая началась в 2001 г., не должна возлагаться на провальную экономическую политику администрации Буша. Нет, эта сомнительная слава должна быть приписана либеральному экономисту Полу Кругману и его публикациям. Более того, этот период вялых темпов экономического развития США мы должны определить как рецессию Кругмана». Это высказывание Гринспена на деле оказалось не более чем иронической шуткой американских сатириков, однако Кругман немедленно откликнулся на неё, заявив в Интернете: «Это правда! Я действительно организовал эту рецессию!»²².

Проблема «рукотворности» финансово-экономических потрясений, которые стали волнообразно накатываться на мировую экономику с конца 1990-х годов, родилась не на пустом месте, и повод к этому дал именно Гринспен. В середине июля 2001 г., в тот момент, когда спад в экономике США шёл полным ходом, в своём официальном выступлении в Конгрессе Гринспен сделал от имени ФРС беспрецедентное заявление: «Можем ли мы устранить бумы и спады в экономической активности? Может ли фискальная и монетарная политика в принципе устранить деловой цикл, как некоторые более оптимистические последователи Кейнса, кажется, верили несколько десятилетий назад? Ответом, по моему мнению, является твёрдое “нет”, потому что не существует инструментов, способных изменить человеческую природу. Люди слишком часто подвержены действию повторяющихся периодов оптимизма и пессимизма, которые время от времени проявляют себя в нарастании или прекращении спекулятивных операций. Как я неоднократно указывал в последние годы, единственной реалистической реакцией на спекулятивные пузыри является следование экономическому давлению, сопровождающему повышение цен на активы, независимо от того, обернётся ли оно образованием пузыря или нет,

²² Greenspan Blames Krugman for Sluggish Economy. 22.07.2003 (<http://www.The Unofficial Paul Krugman Web-page>).

имея в виду, что гораздо худшей альтернативой является резкое падение цен на активы, особенно в том случае если оно действительно произойдет»²³.

Однако американские конгрессмены оказались на удивление хорошо «подкованными» в тонкостях монетарной политики ФРС, и председательствующий «с ходу» выстроил неопровержимую цепочку логических рассуждений, из которой однозначно вытекало, что истинным творцом рецессии 2001 г. был А. Гринспен: «Вы упомянули кейнсианский подход к регулированию экономики, на основе которого строилась экономическая политика США несколько десятилетий тому назад и сторонники которого полагали, что они могут устранить деловой цикл, но ваш вывод свёлся к тому, что они не смогли бы этого сделать по причине невозможности контролировать человеческую природу. Я соглашусь с вами в том, что нельзя контролировать человеческую природу, но я считаю, что этот фактор очень важен, поскольку субъективные факторы играют психологически очень важную роль.

При этом я исхожу из того, что бизнесмены являются человеческими существами, являющимися по своей природе рациональными людьми, рационально реагирующими на процентные ставки и сигналы, посылаемые ФРС. Поэтому, когда ФРС держит процентные ставки на искусственно низких уровнях, деловые люди делают то, что они и должны делать в этих условиях – они стремятся к перепроизводству.

Вас критикуют все. Однако, вместе с тем, никто не подходит к вам и не говорит: “О, м-р Гринспен, вы печатаете слишком много денег, вы непомерно раздули кредит, и ваши процентные ставки являются слишком низкими”. Но именно в результате такой монетарной политики, предполагающей постоянное манипулирование процентными ставками, “вы породили бум, после которого и в результате которого рецессия стала неизбежной данностью»²⁴.

Вполне возможно, что американские законодатели были хорошо информированы о пагубных последствиях монетарной политики ФРС под руководством Гринспена благодаря статье Кругмана, появившейся ещё в 1999 г., где он писал, что политика бездействия ФРС в отношении «пузырей» на фондовом рынке США во второй половине 1990-х годов вполне напоминает ситуацию, сложившуюся в экономике США в 1920-е годы и в экономике Японии в 1980-е годы: «В какой степени пузырь 1920-х годов в США и пузырь 1980-х годов в Японии проложили путь экономическим кризисам, которые за ними последовали? Это весьма возможно, хотя в обоих случаях Центральные банки попытались поднять процентные ставки в попытке “выпустить пар” из рынков, но таким образом создали благоприятные условия для последующих экономических кризисов, которых они так боялись»²⁵.

События 11 сентября 2001 г. на несколько лет отодвинули дискуссию среди широкой американской общественности о факторах субъективного плана, периодически порождающих финансовые потрясения, в том числе и в глобальных масштабах, однако именно Кругман с конца 1990-х годов в своих статьях

²³ Conduct of Monetary Policy. Hearing before the Committee on Financial Services. House of Representatives. 18.07.2001, pp. 55–56.

²⁴ Ibid., pp. 33–34.

²⁵ K r u g m a n P. Should the Fed Care about Stock Bubbles? 1999 ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)).

и книгах стал настойчиво утверждать, что **процессы глобализации, начавшие активно проявляться с начала 1990-х годов, закономерно породили в конце XX века «рукотворную» череду финансово-экономических кризисов**, затронувших в тот период только ограниченное число стран и регионов (страны Восточной Азии, Россию, Бразилию и Аргентину), но явившихся прообразом грядущих, более масштабных и разрушительных, потрясений, обрушившихся позднее и на американскую экономику.

В качестве примера можно рассмотреть Аргентину, финансово-экономический кризис которой в 1998–2002 гг. развивался по хорошо прослеживаемым стадиям. На *первой стадии* Аргентина, стремясь любой ценой сохранить конвертируемость своего песо по отношению к доллару США (на уровне 1 доллар за 1 песо), испытала стремительное ухудшение своего экономического положения после того, как под влиянием финансового кризиса крупнейший торговый партнёр Аргентины – Бразилия – в январе 1999 г. резко девальвировала курс своего реала, что практически лишило Аргентину доступа к мировым рынкам, в том числе и рынкам капитала. *Вторая стадия* ознаменовалась наступлением продолжительной **рецессии**, которая на *третьей стадии* переросла в **депрессию**. В конце 2001 г. депрессия вылилась в **политические потрясения**, когда в стране всего за две недели сменилось пять президентов, один из которых объявил в стране дефолт по иностранной задолженности Аргентины. В течение 2002 г. страна провела дедолларизацию экономики, и в августе депрессия достигла дна, после которого в Аргентине начался медленный экономический подъём. Однако к августу 2002 г. ВВП Аргентины упал по сравнению с 1998 г. на 18%, норма безработицы достигла 23,6%, а доля населения, живущего ниже уровня бедности – 57,5%²⁶.

Анализируя глубинные причины катастрофы, постигшей аргентинскую экономику, Кругман особо выделил роль монетаристской идеологии, навязанной Аргентине с Уолл-стрит, смысл которой состоял в том, что «эффективная монетарная система гарантирует стране экономические успехи». Поэтому после экономической катастрофы, постигшей Аргентину, финансовые аналитики Уолл-стрит «с крайней неохотой стали признавать, что, когда правительство действует в духе свободного рынка и заботится преимущественно о богатейших слоях населения, на самом деле страна идёт ко дну»²⁷.

К концу 1990-х годов Кругман выдвинул и обосновал теорию «ловушки ликвидности», куда неизбежно попадает каждая экономика, в которой образуется сильно надутый спекулятивный «пузырь», формируемый под влиянием максимально свободных от государственного регулирования финансовых рынков. Именно такая степень независимости финансовых рынков США от «пут» государственного регулирования стала складываться в США в результате принятия в 1999 г., как это можно констатировать 10 лет спустя, печально знаменитого, если не сказать – рокового для финансовой сферы США закона «О модернизации финансовых услуг», известного также как Закон Грэмма – Лича – Блай-

²⁶ Schuller K. Ignorance and Influence: U.S. Economists on Argentina's Depression of 1998–2002. – «Econ Journal Watch», August 2002, pp. 234–235, 263.

²⁷ Krugman P. Argentina: The Role of Ideology. 3.08.2003 ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)).

ли (P.L.102 106–102), который «избавил» банковскую сферу США от последних запретов на финансовые операции, наложенные в ходе «Великой депрессии» не менее известным законом Гласа – Стигала, принятого в 1933 году.

В своей основополагающей статье, опубликованной весной 1998 г., Кругман определил «ловушку ликвидности» как «ситуацию, в которой традиционная монетарная политика становится бесполезной, так как процентные ставки оказываются равными или близкими к нулю, и поэтому вливание дополнительной денежной наличности в экономику практически не приносит никаких эффектов, поскольку частный сектор начинает рассматривать наличные и облигации как совершенные взаимозаменители. Исходя из этого определения, «ловушка ликвидности» может возникнуть в экономике с гибкими ценами и в условиях полной занятости, и хотя в США в 1930-е годы или в Японии в 1990-е годы, экономики которых являются классическими примерами экономик, попавших в ловушки ликвидности, существовала определённая ценовая жёсткость, мы с полным основанием можем считать, что в условиях ловушки ликвидности неизбежно растёт безработица и падают объёмы производимой продукции, поскольку в экономике наступает дефляция – действует мощная дефляционная тенденция, противодействовать которой монетарная политика оказывается не в состоянии»²⁸.

«Ловушка ликвидности», как подчеркнул Кругман, оборачивается тем, что центральный банк страны имеет склонность «вести себя безответственным образом», поскольку его основная функция сводится к поддержанию в экономике ценовой стабильности, однако в условиях дефляции «экономика требует “инфляции”», и поэтому монетарная политика для того, чтобы стать эффективной, предполагает «отказ центрального банка от предсказуемого поведения, которое противоречит обычным условиям. В ситуации “ловушки ликвидности” монетарная политика теряет своё значение, поскольку рынки ожидают от центрального банка скорейшего возвращения к обычной практике стабилизации цен, и поэтому эффективность монетарной политики напрямую зависит от степени безответственности в поведении центрального банка, который должен обеспечить монетарную экспансию и стимулировать рост цен даже после того, как рецессия закончится»²⁹.

Но именно так безответственно и повела себя ФРС под руководством А. Гринспена в 2001 г. после наступления рецессии, спровоцированной лопнувшим «пузырём» на фондовом рынке США в 2000 г., сформировавшимся в предыдущие годы благодаря спекулятивным инвестициям в сектор информационно-компьютерных технологий. С января 2000 г. по июнь 2003 г. базовая процентная ставка США была понижена с 6,0% до 1,0%, т.е. фактически ликвидирована, однако в тот период «ловушки ликвидности» удалось избежать благодаря массивным военным расходам на глобальную войну с терроризмом. Однако спустя четыре года, в августе 2007 г., лопнувший «пузырь» на рынке ипотечного кредитования вызвал рецессию, которая началась в США в

²⁸ Krugman P. It's Baaack! Japan's Slump and the Return of the Liquidity Trap. – «Brookings Papers on Economic Activity», 1998, No. 2, p. 139.

²⁹ Krugman P. Thinking about the Liquidity Trap. December 1999 ([http://www. The Unofficial Paul Krugman Web-page](http://www.TheUnofficialPaulKrugmanWeb-page)).

декабре 2007 г., и действовавшей столь же безответственно ФРС под руководством Б. Бернанке не оставалось ничего другого, как понизить базовую процентную ставку с 5,25% в августе 2007 г. до плавающей ставки в пределах от 0 до 0,25% к середине декабря 2008 г., т.е. практически отменить её в условиях растущих опасений о неизбежном наступлении длительного периода дефляции. В конце 2008 г. «ловушка ликвидности» для экономики США стала свершившимся фактом, как и предсказывал Кругман ещё в конце 1990-х годов³⁰. В последний раз экономика США побывала в «ловушке ликвидности» в 1930-е годы, в период «Великой депрессии», что наглядно отражено на графике.

График

«Ловушка ликвидности» в истории экономики США (по П. Кругману)

В ноябре 2008 г. Кругман возвестил о том, что в США всерьёз и надолго вернулась «депрессивная экономика», под которой он подразумевает «положение дел, весьма напоминающее ситуацию 1930-х годов, в которой обычные инструменты экономической политики и, прежде всего, способность ФРС накачивать экономику денежными средствами путём снижения процентных ставок, потеряли всякую притягательную силу. Когда наступают времена депрессивной экономики, обычные правила экономической политики перестают действовать: достоинства становятся недостатками, осторожность – рискованно-

³⁰ Важно отметить, что все последующие, правда, сравнительно немногочисленные работы американских экономистов, посвящённые проблеме «ловушки ликвидности», неизменно содержат ссылки на статью П. Кругмана 1998 г. как заложившую фундаментальные основы современного анализа этого принципиального изъяна современной монетарной политики США. См., в частности: Jeanne O., Svensson L. Credible Commitment to Optimal Escape from a Liquidity Trap: The Role of the Balance Sheet of an Independent Central Bank. – «NBER Working Paper Series». Working Paper 10679. August 2004, p. 2.

стью, а расчётливость – глупостью»³¹. При этом, сравнивая ситуацию, которая сложилась в мировой экономике в 1998 г. и в 2008 г., Кругман особенно подчеркнул то обстоятельство, что «экономическая политика не должна исходить из той посылки, что политическое руководство всегда сможет сотворить чудо, если только в этом возникнет необходимость»³².

Если П. Кругман и заслужил – следуя логике Нобелевского комитета – присуждения этой почётной награды всего за несколько академических публикаций, то к их числу следует отнести две его статьи, посвящённые проблеме «ловушки ликвидности» как неизбежного отличительного признака современных высокоразвитых экономик рыночного типа³³. Именно в этих своих публикациях 10-летней давности он выразил – правда, в тот период в достаточно осторожной форме – сомнение в правомерности утверждения М. Фридмана и А. Шварц о том, что экономический кризис 1929–1933 гг. и «Великую депрессию» спровоцировали именно монетарные силы и неэффективная политика ФРС. Как указал П. Кругман, в классическом труде «Монетарная история США, 1867–1960 гг.», увидевшем свет в 1963 г., Фридман и Шварц выступили с теорией, согласно которой «Великая депрессия была вызвана сжатием денежной массы, которое вполне могла предотвратить ФРС, и таким образом в принципе значительных экономических спадов можно избежать с помощью достаточно агрессивной монетарной политики», и поэтому, памятуя об этом горьком опыте неэффективной монетарной политики ФРС в тот период, «не существует такого феномена как ловушка ликвидности, она никогда не имела место и никогда не повторится вновь»³⁴.

Однако этот тезис, вошедший в анналы американской экономической науки как «гипотеза Фридмана – Шварц», выходит далеко за рамки привычных академических изысканий. Современным рыночным фундаменталистам почти ничего не известно о том, что в аналитическом плане это господствующее идеологическое течение обязано своим происхождением именно «гипотезе Фридмана – Шварц», на чём специально остановился в 2002 г. Б. Бернанке, бывший в то время одним из управляющих ФРС. Выступая на торжественном собрании в Чикагском университете, посвящённом 90-летию юбилею М. Фридмана, Бернанке так оценил главный вклад М. Фридмана: «...его величайший вклад в экономическую науку, который он сделал вместе со своим уважаемым соавтором, Анной Шварц, состоит в том, что он дал объяснение самой серьёзной экономической катастрофе поразившей Америку за всю её историю – а именно, началу Великой депрессии 1929–33 гг., которое со временем стало основным и самым убедительным её объяснением», и которое свелось к тому, что «она явилась продуктом ошибочной монетарной политики»³⁵.

³¹ K r u g m a n P. Depression Economics Returns. – «The New York Times», 14.11.2008. В ноябре 2008 г. П. Кругман оперативно выпустил второе, значительно переработанное издание своей книги о депрессивной экономике, впервые увидевшей свет в 1999 г.: The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. N.Y., 2008.

³² TPMCafé Book Club. 2008 Versus 1998, 16.12.2008 (<http://www.tpmmediallc.com>).

³³ K r u g m a n P. It's Baaack! Japan's Slump.., pp. 137–187; I d e m , Thinking about the Liquidity Trap. – «Journal of the Japanese and International Economies», December 2000, No. 4, pp. 221–237.

³⁴ K r u g m a n P. It's Baaack! Japan's Slump.., p. 138.

³⁵ Remarks by Governor Ben S. Bernanke at the Conference to Honor Milton Friedman, University of Chicago, Chicago, Illinois. 8.11.2002. On Milton Friedman's Ninetieth Birthday (<http://www.frs.gov>).

В своей более поздней речи, произнесённой в 2004 г., Бернанке прямо увязал последующее нарастающее господство школы рыночников и монетаристов с «переворотом в американской экономической науке», совершенным Фридманом и Шварц в первой половине 1960-х годов: «В течение самой депрессии и многих последующих десятилетий ббольшая часть экономистов утверждала, что монетарные факторы не являются её важной причиной. Например, многие аналитики указывали на то, что номинальные процентные ставки практически были равны нулю на всем протяжении депрессии, и на этом основании делали вывод, что монетарная политика не дала никаких ощутимых выгод экономике. Попытка использовать монетарную политику для того, чтобы вытащить экономику из глубокой депрессии, как считалось, была равносильна использованию тормозной педали»³⁶.

При этом в середине XX века практически все американские экономисты считали, что генезис «Великой депрессии» следует искать в проблемах функционирования реального сектора американской экономики, в том, что «в течение бурных 1920-х в неё, в том числе и в жилищный сектор, были вложены огромные средства, которые и обернулись экономическим крахом, когда отдача от них оказалась меньше ожидаемой. Другой некогда популярной концепцией была теория хронического “недопотребления”, т.е. неспособности домовладений покупать достаточное количество производимых экономикой товаров и услуг, что и привело, в конце концов, к экономическому кризису невиданных масштабов». Именно под влиянием «революционных идей» Фридмана и Шварц о роли монетарных сил в генезисе «Великой депрессии», как подчеркнул Б. Бернанке, «на протяжении примерно последних 20 лет экономические историки и пришли к единодушному мнению об истинных причинах “Великой депрессии”»³⁷.

Причина этого была проста – наивная до беспредела, как и большая часть остальных «конструктов» рыночных фундаменталистов, «гипотеза Фридмана – Шварца» гипнотизировала сознание американских экономистов и политологов именно системой постулируемой ею причинно-следственных связей: если бы уже на первом этапе экономического спада в 1929–1930 гг. ФРС оказалась более «расторопной и менее пассивной», то не было бы и всей цепочки последующих событий, включая резкое сокращение ВВП, колоссальный рост безработицы, приход Ф. Рузвельта в США и Гитлера в Германии, «хрустальные ночи» и массовые репрессии в СССР в конце 1930-х годов, Вторую мировую войну, жертвы на полях сражений и в концлагерях, измеряемые десятками миллионов человеческих жизней³⁸.

³⁶ Remarks by Governor Ben S. Bernanke at the H. Parker Willis Lecture in Economic Policy, Washington and Lee University, Lexington, Virginia. 2.03.2004. Money, Gold, and the Great Depression (<http://www.frs.gov>).

³⁷ Ibidem.

³⁸ «Монетарный коллапс в период 1929–1933 гг. не был неизбежным следствием тенденций экономического развития в предыдущие годы. Он явился результатом политики, которая проводилась ФРС именно в этот период... альтернативные направления в монетарной политике, которые могли предотвратить монетарную катастрофу, всегда имелись в распоряжении руководства ФРС», – так резюмировали Фридман и Шварц итоги своих академических изысканий (Friedman M. and Schwartz A. A Monetary History of the United States, 1867–1960. Princeton, 1963, p. 699).

И только когда в августе 2007 г. в США начался обвал фондовых рынков и ФРС включила все рычаги своего воздействия на экономику с тем, чтобы избежать «великой рецессии», выяснилось, что как в 1929–1930 гг., так и в 2007–2008 гг. монетарные силы являлись слишком слабыми, чтобы предотвратить сползание экономики в глубокий экономический кризис. Мощные рычаги фискальной политики были задействованы уже в начале 2008 г.³⁹, а уже к концу 2008 г. потенциал монетарной политики по стимулированию развития американской экономики оказался полностью исчерпанным⁴⁰. Вот на фоне этих событий «кое-кому в академическом мире США» стало ясно, что М.Фридман действительно оказался «голым королём» эпохи экономического благополучия Америки, как и утверждал П. Кругман в 2007 году.

Подводя итоги, можно сказать, что Нобелевская премия была присуждена Полу Кругману абсолютно заслуженно не за его выдающиеся аналитические способности, не за его вклад в академические исследования и даже не за его поразительно смелые публицистические статьи, а за его исключительно тонкое «социальное чутьё»: на протяжении последних 10 лет Кругман, как ни один другой американский экономист-государственник, «держал нос по ветру», сумев правильно предугадать и диагностировать многие тенденции в экономической жизни США и развитии мировой экономики в целом. С этой точки зрения пристального внимания заслуживает его прогноз на ближайшие 10 лет, который он сделал в Стокгольме в декабре 2008 г. при вручении ему Нобелевской премии: «Я опасаясь, что сценарий развития мировой экономики в ближайшем обозримом будущем почти полностью воспроизведёт специфику потеряннного десятилетия в развитии японской экономики в 1990-е годы – мы вступаем в мир нулевых процентных ставок и дефляции, не подающий никаких признаков экономического выздоровления, и так будет продолжаться очень и очень долго».

Будем надеяться, что мировая экономика всё-таки выздоровеет.

³⁹ Подробнее см.: Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис. Фаза 2 [Рецессия]. – «США ❖ Канада». 2009, № 3, с. 31–38.

⁴⁰ Как указал на слушаниях в Конгрессе США в марте 2009 г. проф. Б. Де Лонг, «в своей работе “Монетарная история США” Фридман и Шварц утверждали, что ФРС одна смогла бы в зародыше подавить Великую депрессию, но не сделала этого. Это положение труда Фридмана и Шварц на протяжении последних двух лет постоянно присутствовало в общественном сознании, и Б. Бернанке через операции на открытом рынке и ослабления количественных ограничений в точности делал то, что и предписывали Фридман и Шварц и что должно было, по их мнению, в зародыше исключить “Великую депрессию”. Однако этого оказалось явно недостаточно, поскольку монетарная политика должна была быть дополнена банковской политикой и фискальной политикой. События последнего времени убедительно доказали интеллектуальный крах теории тандема Фридман – Шварц» (De Long B. The New Deal: Lessons for Today. 29.03.2009, p. 9. Testimony before the Economic Policy Subcommittee Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. «Lessons from the New Deal» (<http://www.congress.gov>)). Столп современного монетаризма М. Фридман, по всей видимости, до конца своих дней так и не смог понять фундаментального парадокса рыночной экономики, символизируемого «ловушкой ликвидности», согласно которому в условиях глубокого обособления финансового и реального секторов экономики деньги и другие финансовые инструменты приобретали мистическое свойство «к умиранию» на пороге великих экономических потрясений.